

С.А. Ковалевский

*Россия, Кемерово, Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачёва*

Трупобожжения в ирменской погребально-поминальной обрядности

Как известно в погребально-поминальном обряде ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири достаточно стабильно фиксируются следы использования огня [Ковалевский, 2010, с. 105-110]. В настоящее время можно говорить об их следующих разновидностях: 1) разведение кострищ на периферии могильного пространства; 2) разведение кострищ рядом с могилами; 3) использование содержимого поселенческих зольников для оформления сакрального могильного пространства; 4) обжигание площадки перед совершением погребения; 5) трупобожжение на месте погребения; 6) кремация на стороне.

В данной работе рассматривается один из вариантов использования огня, а именно трупобожжение на месте погребения. Суть обряда, заключалась в том, что над могилой, разводился костер, от воздействия которого происходило обугливание останков погребенного (полное или частичное). Костер мог разводиться и рядом с погребением. В этом случае, раскаленные угли сдвигались на погребенного. В процессе горения могила засыпалась землей, что не приводило, как правило, к полной кремации погребенного.

Обряд трупобожжения известен почти на всех территориях проживания ирменского населения. На территории Томского Приобья обряд трупобожжения фиксируется достаточно часто. По информации В.И. Матющенко, в ирменском могильнике ЕК-II/5 насчитывается 15 случаев использования огня по отношению к погребенному. «Из них 8 случаев трупосожжений, совершенных на стороне; 5 случаев обожжения, при котором огонь, видимо, разводился на теле погребенного; и 2 случая, когда в могиле зафиксировано присутствие огня, хотя природу его в этих случаях, установить не удалось» [Матющенко 2006, с. 21]. Вместе с тем, по нашим подсчетам, случаев обожжения погребенных в могиле насчитывается около 20%.

На других территориях обряд трупобожжения применялся реже. На территориях Омского Прииртышья и Бараба этот обряд зафиксирован в могильниках Преображенка-III, Калачевка-II, Батаково-XXI и Боровянка-XXVII [Молодин, 1985, с. 135; Молодин, Чикишева, 1988, с. 125-201; Труфанов, 1991, с. 72-78; Погодин и др., 1997, с. 112-125; Полеводов, 2008, с. 69-77]. В наиболее представительном по количеству ирменских погребений, могильнике Преображенка-III 9,9% погребенных имеют следы трупобожжения.

На территории Кузнецкой котловины погребенные со следами трупобожжения зафиксированы только в двух могильниках Сапогово-I и Заречное-I [Илюшин и др., 1996, с. 80-81; Зах, 1997, с. 72-86]. Вместе с тем, этот элемент погребального обряда является здесь достаточно заметным (Сапогово-1 - 9,23%, Заречное-1 - 8%).

На территории Алтайского Приобья обряд трупобожжения известен в могильниках Телеутский Взвоз-I (три могилы из семи) и Плотинная-I (6,25%). Единичны такие погребения в могильниках МГК-I/5 и Фирсово-XIV [Папин, Грушин, 2004, с. 93-103; Уманский, 1972, с. 22-26; Кунгуров, Папин, 2001, с. 79-84; Шамшин, Цивцина, 2000, с. 131]. Также единичны они и в таких могильниках Новосибирского Приобья, как Милованово-I и Ордынское-I [Новикова, 1995, с. 41-51; Матвеев, 1993, с. 92].

Таким образом, учитывая значительное количество исследованных к настоящему времени ирменских некрополей (включая достаточно крупные) представляется, что обряд трупобожжения нельзя считать типичным для ирменской обрядности. Встречаясь на всех территориях распространения ирменской культурно-исторической общности он, локализуется в небольшом количестве могильников, составляя впрочем, в их составе заметную черту погребально-поминального обряда.

Наиболее характерным данный обряд является для некрополей тех районов, где происходило этнокультурное взаимодействие ирменского населения, и населения так

называемых андронидных культур (сузгунской, еловской, корчажкинской), либо традиции этих культур оказали значительное воздействие на ирменский культурогенез. Сама традиция трупобожжения для территории Западной Сибири является автохтонной и зафиксирована специалистами, занимавшимися исследованием различных культур ранней, развитой и поздней бронзы (елунинской, кротовской, самусьской, еловской). На территории Томско-Нарымского Приобья данная традиция оказалась довольно устойчивой и сохранилась до этнографической современности. Г.И. Пелих в монографическом исследовании «Происхождение селькупов», анализируя древние элементы в материальной культуре нарымских селькупов приводит информацию о том, «...что этнографические сведения о данном обычае (обжигание трупа сверху) нам удалось собрать даже в середине XX века» [Пелих, 1972, с. 8].

Проведенный анализ погребений с трупобожжениями показал, что абсолютное их большинство представляет собой разрушенные, либо т.н. «вторичные» погребения. Большая часть таких погребений обнаружена в курганах, под насыпями которых зафиксированы следы различных ритуально-жертвенных действий (кости, черепа и зубы животных, кострища, керамическая посуда, бронзовый инвентарь). Имеющиеся палеоантропологические определения и достаточно условные определения по сопроводительному инвентарю демонстрируют принадлежность таких погребений преимущественно женской части ирменских коллективов.

Литература

Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. Новосибирск, 1993.

Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997.

Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 1996. Т. 1.

Ковалевский С. А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2.

Кунгуров А. Л., Папин Д. В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск, 2006.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Молодин В. И., Чикишева Т. А. Курганный могильник Преображенка-3 — памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск, 1988.

Новикова О. И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995.

Папин Д. В., Грушин С. П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004.

Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Погодин Л. И., Полеводов А. В., Плешков А. В. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.

Полеводов А. В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и

сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008.

Труфанов А. Я. Ирменский курган могильника Калачёвка-II // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. Омск, 1991.

Уманский А. П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972.

Шамшин А. Б., Цивцина О. А. Новые материалы эпохи поздней бронзы из могильника Фирсово-XIV (предварительное сообщение) // Пятое исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000.